

ТАТЬЯНА
ГАРМАШ
РОФФЕ

ШАЛОСТИ НЕЧИСТОЙ
БИЛЫ

Татьяна Гармаш-Роффе

Шалости нечистой силы

Детективы Татьяны Гармаш-Роффе изящны, изобретательны, ироничны и увлекают читателя самыми разнообразными сюжетами. Связывает эти немыслимые головоломки нестандартная фигура детектива Алексея Кисанова – Киса, если попросту...

На этот раз частному детективу Алексею Кисанову предстоит нелегкая работа... Его новый клиент Стасик рассказывает про себя невероятные вещи. То он проснулся... на крыше. То в его отсутствие в квартире кто-то переставил мебель. А один раз он среди ночи оказался на кладбище, а вокруг него кружили дьявольский танец вампиры. Неужели он сходит с ума?.. А может быть, это происки нечистой силы?! Стасик именно так и думал, пока не увидел свой фоторобот на стенде "Их разыскивает милиция"...

Алексей Кисанов с интересом берется за дело. Ведь именно в то время, когда со Стасом шалила нечистая сила, в городе прокатилась волна групповых изнасилований, повлекшая за собой череду смертей...

Оглавление

[Татьяна Гармаш-Роффе Шалости нечистой силы](#)

[ЧАСТЬ 1](#)

[Ловля спелых звезд на крыше](#)

[Вера в свете зимнего дня](#)

[Домовой](#)

[Роман с Романом](#)

[Любовь за десятку](#)

[Во многом знании...](#)

[Лифчик бомжихи](#)

[Насилие от сбербанка](#)

[Что почем](#)

[Пить вредно. Курить тоже...](#)

[Белый ковер](#)

[Гетеро в гостях у гомо](#)

[Спи спокойно, дорогой товарищ...](#)

[В вояж!](#)

[За маму и за папу](#)

[Визит к вампирам](#)

[Оскорбленная невинность](#)

[Наследство](#)

[Неплохая компания](#)

[Фоторобот](#)

[Мистер Зомби](#)

[ЧАСТЬ 2](#)

[«Просто Кис»](#)

[Невероятное везение Киса](#)

[Виктор нужен Вере](#)

[Три бриллианта, один сапфир...](#)

[Звонок из Мелитополя](#)

[Удача-содержанка](#)

[Загадочный коллега](#)

[Инкогнито](#)

[Кис думает](#)
[Кис действует](#)
[«Карден» и «Монблан»](#)
[Хорошая песенка](#)
[Александра](#)
[«Поигрались»](#)
[От слова «любовь»](#)
[Кража](#)
[Что теряет Артист](#)
[Потерпевшая](#)
[Совет с Александрой](#)
[Странная Вера](#)
[Посторонний мужчина](#)
[Праздничный ужин](#)
[Алый пурпур](#)
[Дача](#)
[Нахаленок](#)
[Друг молодежи](#)
[Новая мама у новой дочки](#)
[Дела поважнее](#)

Убивать
сначала время,
потом муху,
возможно, мышь,
потом как можно больше людей,
потом опять время. [\[1\]](#)

Эрих Фрид

ЧАСТЬ 1

Ловля спелых звезд на крыше

... И звезды были такими крупными, такими спелыми и яркими, словно лежишь под яблоней, а тебе в рот смотрят чистые, умытые яблоки, лучась сытыми боками. Казалось — руку протяни, и сорви сияющий плод, да хрустни на всю округу ледяной и сочной звездой... И вся эта роскошь — всего лишь с высоты какой-то зачуханной пятиэтажки, продравшейся крышей сквозь хмарь московского загаженного неба! А если бы на Останкинскую телебашню забраться? На тот самый высокий, самый последний балкончик, которым окружен шпиль? Оттуда, должно быть, звезды еще вкусней...

Одно было плохо: стылая осенняя ночь выбрала последнее тепло из одежды, и алкоголь, все еще гулявший в крови, уже не согревал.

Зазвонил будильник, и Стасик привычно нашарил его у изголовья. Нажал холодную отсыревшую кнопку.

И тут же резким рывком сел, испуганно оглядываясь. Сердце заколотилось, как и острая боль в висках. Он спал на...

На крыше?!

Пятиэтажки?!!

И будильник рядом поставил?!!

— С вас тридцать четыре рубля.

Стасик очнулся, тряхнул головой, возвращаясь в действительность, вытащил из кармана потертое коричневое портмоне и стал отсчитывать деньги.

— Молодой человек, вы зажигалку уронили, — обратилась к нему стоявшая за ним в очереди в кассу немолодая тучная женщина.

Действительно, секунду назад что-то звонко треснулось о кафельный пол магазина. Стасик обернулся. В метре от него поблескивало золотистое тельце дорогой зажигалки.

— Это не моя, — пожал он плечами.

— Да, но я видела, как она выпала из вашего кармана! — возразила дотошная соседка по очереди.

«Неужели опять?» — Стало мгновенно жарко, и спина сделалась влажной под дутой синтетической курткой.

— Я не курю, и это не моя зажигалка! — раздраженно бросил он женщине.

— Да, но я видела... — растерялась та. — Она выпала, когда вы вытаскивали кошелек...

— Хорошо! — нервно выкрикнул Стасик. — Хорошо! Она выпала из моего кармана, это моя зажигалка, вот я ее беру, теперь вы отстанете от меня, а?

Женщина покраснела от обиды. Она, можно сказать, из лучших чувств, а ее за это еще и обругали! Вот до чего народ дошел — кидаться стали друг на друга! Ладно бы она попыталась прикарманить чужую вещь, так нет же, хотела честно вернуть ее хозяину!.. Эх, делай людям добро после этого...

Поджав губы, женщина демонстративно повернулась к Стасику широкой спиной в ярко-синем пальто.

Стасик безглаголиво взял в руки зажигалку. Он был близок к истерике. Сунув зажигалку в карман, суетливо расплатился, забрал сверток с колбасой с прилавка и торопливо покинул магазин.

«Все, — думал он, возвращаясь домой, — все кончено. Я болен. Я сумасшедший и клептоман. Я ворую чужие вещи и даже не замечаю этого. У меня что-то с памятью. К психиатру надо идти, к психиатру! Иначе я и впрямь сойду с ума...

Скорей бы Галка появилась. Пока не сошел».

— Почему так поздно? — вскинулся он, едва Галя открыла дверь.

— Скажи спасибо, что вообще пришла... — рассеянно откликнулась она, снимая шубку. — Муж ко мне едва охрану не приставил, я уж думала, не увидимся с тобой сегодня.

— С чего бы? Подозревать стал что-то?

— Да нет, из-за маньяков! — сказала Галя, аккуратно ставя сапожки под вешалку.

— Каких еще маньяков?

— Ну ты даешь! Газет, что ли, не читаешь?

— Ну уж не раздел криминальной хроники, — съязвил Стасик: Галин муж работал в уголовном розыске.

— Маньяки по квартирам ходят, мужей связывают, а женщин насилуют в их присутствии, — объяснила Галя. — И мужья как один помирают от огорчения! — Она прошла в комнату и окинула ее хозяйским взглядом.

— Ну, ты-то ничем не рискуешь! — Стасик следовал за ней. — Чтоб тебя изнасиловать в присутствии мужа, им его долгонько подстерегать придется — импотентами успеют стать!

— Эй, эй, полегче! Я тебе сто раз говорила, Стасик, не наезжай на моего Димку!

— А я тебе сто раз говорил: не называй меня Стасиком! Я — Стас!

— И чего ты такой злой сегодня, Стас? — хмыкнула Галя. — Чем тебя мой муж обидел? Иль ты меня ревновать вздумал?

— Вот еще!

— Тогда и не выступай... Ты уже ел?

— Галка, мне не до еды...

— Да? — игриво произнесла Галя, поведя бедрами. — Так я пошла в ванную?..

— погоди. — Стасик дотронулся до ее круглого плеча извиняющимся жестом. — Сядь, я тебя прошу. Мне

нужно тебе кое-что рассказать...

Галя без возражений села и приготовилась слушать, устремив свои карие блестящие глаза на Стасика со всем возможным вниманием: такое предисловие означало, что Стасик опять куда-то вляпался...

Галя принадлежала к породе женщин, истекавших повышенным материнским инстинктом, как кормящая мать молоком из набухшей груди. Такие женщины всегда ищут объект приложения своих щедрых забот, тот роток, который готов отсосать излишки животворной субстанции. Правда, Галя еще до Стасика нашла вполне успешное применение этой благотворительной склонности: опекать своего мужа Диму, бравого усатого опера, у которого работа нервная и опасная и который нуждается в домашнем уюте, душевном тепле и горячих пирогах для восстановления в короткие мгновения отдыха потраченных душевных и физических сил.

Но Дима оставлял пустоты в Галкиной любвеобильной душе. Ее женской ласки и заботы хватало на двоих (а может, и на троих бы хватило, но Галка экспериментировать не рискнула — так далеко ее эмансипированное свободомыслие заходить не отваживалось), в отличие от ее мужа, которого на двоих — работу и жену — не хватало. Все же как ни крути, а даже сильно развитый материнский инстинкт требует вознаграждения в виде мужского внимания и прочих мужских качеств, столь необходимых женщине. И недоданное ей мужем Галя возмещала в умеренных любовных взаимоотношениях со Стасиком, одновременно дотрачивая излишки своей потребности кого-нибудь опекать.

— Это уже не в первый раз! — нервно говорил Стасик. — То у меня какие-то чужие ручки в карманах,

то ключи, то зажигалки... Я, кажется, стал клептоманом!

— Ну-ка покажи. — Галя была образцовой женой собственного мужа и желала увидеть вещественные доказательства.

Стасик двумя пальцами, словно заразу, вытащил зажигалку из кармана.

— И у тебя такой никогда не было? — нахмутив лоб, уточнила Галя.

— Никогда. У меня всегда были дешевые, а с тех пор, как бросил курить, вообще все соседу отдал.

— А что за ручки? Ты сказал, еще ручки какие-то и ключи...

— Они потом куда-то делись... — На лице у Стасика изобразилось неподдельное отчаяние. — Я к тому же еще и вещи постоянно теряю! Даже не теряю, потому что они потом часто находятся, а просто у меня что-то с памятью, Галка! Два дня назад кинулся — портмоне нет. Ну я же брал его с собой, я помню! Переложил из одних брюк в другие! И вдруг — нету. Думал, украли! А на следующий день — есть... Лежит в кармане куртки... Я его туда никогда не кладу, из куртки вытащить легко! По-моему, я чем-то болен... Мне надо, наверное, к врачу, Галка. А вдруг это болезнь Альцгеймера? Слышала о такой? Это когда забываешь все: и кто ты сам, и где живешь...

— Но ты-то не забыл, где живешь? И кто ты сам? А скажи-ка на всякий случай: я кто?

— Кончай издеваться! Это совсем не смешно! Говорю тебе — со мной что-то не то, у меня провалы в памяти...

Галя слушала недоверчиво.

— А может, это от успехов у тебя крыша едет? — предположила она.

Верно, Стасик вот уж несколько месяцев как может похвастаться некоторыми достижениями. Художник-плакатист, многие годы безрадостно отдавший

советской и постсоветской агитпропаганде, он наконец нашел себя: изучил компьютер и создал небольшую рекламную фирму. Стал брать заказы на изготовление рекламы всех сортов. Сначала было туго, но последнее время пошли серьезные заказы, а с ними и деньги. Есть отчего потерять голову. Стасик даже стал подумывать, не купить ли машину!

— Может, у тебя крыша поехала от денег? — внесла уточнение Галя. — Знаешь хохму? Мужик просыпается утром, лежит записка: «Я поехала. Твоя крыша».

Стасик посмотрел на Галю: может, как раз сейчас о сне на крыше и рассказать? Вот уже месяц прошел с его ночного крышеприключения, а он до сих пор не осмелился. Но Галя ведь спросит: «Да как же ты на крыше-то оказался?» И что он скажет? «Не знаю»?

Галя кареглазая, плотненькая, быстрая. Круглые щеки с ямочками, улыбка обалденно обаятельная, короткая стрижка ей идет и придает мальчишески-залихватский вид. Она веселая, смешливая, щедрая и одновременно практичная. Идеальная жена. Если не считать, конечно, того, что мужу своему она изменяет. Но Стасик — не муж, и ему Галя — идеальная любовница: темпераментная, понятливая, разумная, умеющая организовать их встречи... И, что существенно, ничего от Стасика не требует. Замуж ей не надо, подарков тоже не надо — «Ты с ума сошел? Куда я их девать буду? Мужу показывать: смотри, дорогой, какое бельишко мне любовник купил?». Секс да возможность заботиться еще и о нем, о Стасике, — вот и все, что ей требуется. Успевает пирогов напечь и для мужа, и для любовника. Да еще Стасика выслушать, его морально поддержать в сомнениях по поводу его талантов (а их у Стасика было много), развеять все его печали — клад, а не любовница.

— А то деньги знаешь, вещь такая... — Аппетитные ямочки на Галиных щеках обозначили легкую

усмешку. — Не у одного тебя завихрения происходят. Димка тут мне нарасказывал...

— Галь, только вот не надо мне еще историй с Петровки, ладно? Я и так с ума схожу!

— Ты бы лучше не болтался вечерами по друзьям да по питейным заведениям! А то знаю я, что у тебя за Альцгеймер: в прошлый раз так надрался, что вспомнить не мог, где и с кем!

— А куда мне прикажешь по вечерам деваться? Ты мужа обихаживаешь, а я должен один дома сидеть?

— Стасик, мне следует это считать предложением руки и сердца? — ехидно проговорила Галя. — Ты меня подбиваешь на развод?

Галя прекрасно знала, что Стасика весьма устраивают их отношения и смена статуса любовника на статус мужа ему вовсе не улыбается: Стасик из тех мужчин, которые женитьбы боятся, как чумы. Впрочем, Галю их отношения тоже весьма устраивали и менять мужа Диму на мужа Стасика у нее не было ни малейшего намерения.

Не дождавшись ответа на свою ехидную реплику, Галя продолжила, горячась:

— Конечно, это деньги тебе карман жгут! Вот ты на радостях и не замечаешь, как спиваешься! Лучше б машину купил!

— Пока не хватает.

— Так копи! Нечего по пивным шляться!

— Ревнуешь?

— Вот еще!

— Не волнуйся, я тебе не изменяю. Мне, кроме тебя...

— Да знаю я, знаю: тебе, кроме меня, никто не подойдет...

— Я хотел сказать: «Не нужен».

— Правильно, потому что никто не подойдет. Кто еще будет с тобой, с тюней, столько возиться? Это

только я с моим мазохистским комплексом способна тебя выносить!

Галя была убеждена, что Стасику нужно внушать именно такой подход к их отношениям. Беззастенчиво влезая на пьедестал мудрой благотворительности, она отводила Стасику место где-то у его подножия, место недотепы, который без нее непременно пропадет, — с точки зрения Галки, именно такая диспозиция наиболее прочно закрепляла их связь. На деле же, будучи и собственницей, и ревнивицей, она просто не могла перенести даже мысли о том, что Стасик вдруг возьмет да заведет себе однажды другую женщину.

— То есть?! Ты хочешь сказать, что я тебе ничего не даю? — возмутился Стасик. — Да я в постели за двоих отдуваюсь — за себя и за твоего муженька, который вечно отсутствует, и вечно устал, и в погоне за криминалом порастерял все мужские достоинства, кроме усов!

— Эй, полегче! Нечего моего мужа задевать! Тебе знать не дано, что он растерял, а что нет!

— Что ж ты тогда любовника себе завела?

— Да это я так, скорее сыночка себе завела, чем любовника... Нерастраченный материнский инстинкт, — гнула свою пропагандистскую линию Галя.

— Ну знаешь!.. Я, если так... Если на то пошло, то я не нуждаюсь...

— Ладно, не кипятись, — примирительно сказала Галя. Она ненавидела ссоры.

— Нет, я хочу, чтобы ты знала: я не нуждаюсь в мамочке...

— Люблю, когда ты злой. Хоть на мужика становишься похож.

— То есть?! А так что, не похож?

— А так похож на дитюсю. Что внешне, что по характеру... Ладно, ладно. — Галя решила, что перебарщивает, и одарила Стасика ласковой

усмешкой, — в постели, слава богу, ты похож на мужика. Иди лучше.

— Куда?

— В койку, боже мой — «куда»...

Стасик проследовал в указанном направлении и оказался, как всегда в таких случаях, в ударе. Может, Галка, подлюка, нарочно его дразнит перед тем, как заняться любовью?

«Дитюся». Галка знала, как он бесился, когда ему напоминали о некоторой детскости в его лице. Стасик в детстве был рыж и кудряв, как маленький Ленин. Голубые глазки и пухлые щечки. После двадцати пяти волосы потемнели, пухлость щек почти исчезла, глаза сделались обычными серыми. К тридцати Стасик стал законченным шатеном, от бывшей рыжины остались только белая, чувствительная к солнцу кожа да веснушки на спине и руках. Но это его не портило. Он был выше среднего роста, строен, спортивен (нещадно боролся с лишней складкой жира, которая так и норовила появиться на белом теле, немедленно вызывая в памяти образ пухлого рыжего младенца). Он был весьма хорош в профиль (римский!) и вполне неплох анфас, а маленькая шелковистая бородка скрадывала остаточную пухлость на скулах и придавала лицу мужественность с оттенком некоторой богемности. Женщины на него охотно поглядывали, и верность Гале Стасик ставил себе в заслугу. Если бы он захотел, он мог бы...

Но негодница, как всегда, права: он не хотел. Галка его устраивала, устраивала до такой степени, что он даже не думал ни о семье, ни о постоянной женщине, которая принадлежала бы только ему, а не дополняла бы им, как Галя, свои отношения с мужем. Стасик не был ревнив и в сложившейся ситуации усматривал исключительно одни плюсы. С Галей было хорошо. С ней было легко и радостно. И необременительно.

Стасик любил шутить: «Я еще не Сальвадор Дали, но Гала у меня уже есть...»

Вера в свете зимнего дня

Год заканчивался, и гороскопы, как всегда, наврали. Наобещали большую любовь и верное замужество и — наврали. Точнее, любовь у Веры была — вот уже третий год как была. А замужества не было и не предвиделось. Не считать же замужеством тот глупый брак с однокурсником, который скоропостижно закончился тихим разводом!

...Вера рано вышла замуж за весельчака и балагура со своего курса, приняв его добродушие — за доброту, а привычку шутить — за радостное мироощущение, которого ей так самой не доставало, и охотно покинула родительский дом, где царили отношения прохладного непонимания. Но веселая никчемность мужа-однокурсника быстро разочаровала Веру, и они расстались.

Потянулись долгие годы одиночества. Жизнь казалась ей нескончаемым зимним днем — таким тихим, безветренным, когда крупными хлопьями валит снег, и жемчужно-серый свет, ровно и мягко заливающий двор и комнату, кажется единственно возможным освещением, будто никогда не было и не будет солнца, будто никогда не было и не будет ночи, а будет только это тихое жемчужно-серое сияние...

Этот свет словно исходил от самой Веры: мягкий, спокойный, без теней и контрастов — чарующий и непонятный, влекущий безбрежностью светлых и ровных заснеженных просторов. Казалось, такая спящая красавица — разбудить бы. И находилось немало охотников, желавших оживить поцелуем, растопить пушистые сугробы, глянуть: что под ними?..

Тем не менее Вера так и жила одна: как любой другой человек, она нуждалась в ответном

человеческом тепле, в любви и нежности, в ласке душевной и физической, но, как немногие, Вера не желала размениваться и соглашаться на компромисс, будучи из той породы, которой «либо все, либо ничего» — установка вполне самоубийственная...

Но Вера знала: прими она ухаживания довольно-таки многочисленных поклонников, позволь им приблизиться, войти в дом и в душу, она бы наутро брезгливо рассматривала следы, оставленные «компромиссным» вариантом в ее доме, душе и теле, и с отвращением оттирала бы и те и другие...

Беда же заключалась в том, что Вера была умной женщиной. «Умный» — понятие одновременно объемное и расплывчатое, а язык человеческий убог и не способен дать точное определение разным типам ума. Можно быть превосходно образованным эрудитом — и дураком. Можно быть талантливым болтуном и писать крутые статьи и книжки, где ограниченность прячется за витиеватым нагромождением слов. Можно быть хитрым и расчетливым ловкачом, но при этом тупицей...

Вера глубоко чувствовала и понимала мир, она знала о людях, о социуме и о законах, которым подчиняется их существование, так много, что ей даже было неинтересно об этом рассуждать. Она хорошо понимала смысл фразы: «Можно созерцать камень и постичь весь мир», и предпочитала созерцать и постигать мир в одиночку.

Но что такое «умная женщина» для мужчины — о, об этом Вера могла бы написать целую книгу! Когда-то, еще в школе, ее дружок Сашка сказал однажды: «Эх, Верка, не была б ты такая умная, я бы в тебя влюбился!»

Бесхитростный Сашка честно сформулировал то, что потом преследовало ее всю жизнь.

Мужчины воспринимали ее ум как вызов на дуэль и немедленно бросались к барьеру. Им нравились ее

дерзкие замечания, ее нестандартные суждения, ее несомненное самоуважение — это восхищало, влекло, завораживало... Но, странным образом, им отчего-то хотелось все это поломать, как игрушку в детстве. Посмотреть, что там внутри, что там на самом деле, сбить ее «умность», словно спесь, маску, как если бы Вера только прикидывалась, играла, и стоит только немного поднажать, как обнаружится, что она — как все. Как все бабы. Которые, по определению, глупее мужиков. И потому — в бою все средства хороши, верно? — мужчины норовили подмять Веру под себя — пусть не умом, а хотя бы силой характера, властностью, грубостью. Иными словами, пытались унижить, подавить, поставить на место, будто выскочку и самозванку...

Вера же соперничества не любила и воспринимала это как проявление неосознанного и неотрегулированного комплекса неполноценности. И потому, довольно быстро изучив эту мужскую породу в нескольких попытках сближения, она стала ее избегать. А другой породы отчего-то не попадалось... Вот так и вышло — долгие годы одиночества.

Счастье пришло в ее жизнь поздно, но пришло вместе с Анатолием. То самое, от которого хочется петать и летать. То солнечное счастье, которое и должно было растопить прохладные сугробы.

Анатолий был щедр. Нет, не о деньгах речь, вовсе не об этом, — щедр душою. В нем не было ущербности, он нисколько не чувствовал себя задетым женским умом: напротив, высоко ценил его. Но главное, он давал ей, не торгуясь, именно то, в чем она так нуждалась: просто — любовь, просто — уважение, просто — заботу. Просто — счастье...

Однако очень быстро Вера поняла, что их отношения ограничены во времени, пространстве и перспективе: Анатолий был женат.

И вот уже третий Новый год Вера встречала в одиночестве — не может же на самом деле Анатолий бросить в праздник свою жену и их гостей? И думала Вера в канун Нового года о том, что пора разрывать тупиковые отношения с Анатолием. Нет, она его любила, по-прежнему любила, и за четыре года Толя стал не просто близким, он стал родным — это близость особая, дорогая и редкая... Да только любовь исподтишка, любовь украдкой и с оглядкой, любовь без всяких перспектив быть вместе — это уже не любовь. А сплошная мука.

Все это время она надеялась, все это время он обещал. Не врал, Вера это понимала, он сам верил, что наступит день, когда отважится сказать: «Я уйду от тебя, Ирина». Но этот день никак не наступал и, скорее всего, не наступит никогда.

Супруга Анатолия, Ирина Львовна, была очень солидной дамой. И стиль свой — быть солидной — выдерживала с блеском. Ирина Львовна держалась степенно, важно, высокомерно; к молодым женщинам обращалась исключительно «милочка», в крайнем случае уменьшительно: Танечка, Манечка... Она вплывала в помещение с таким видом, будто была атомным ледоколом «Ленин», и всем следовало посторониться — в их же интересах.

Все и сторонились, расступались, как антарктические льды, пропуская ледокол по пути его следования. Путь следования всегда был один: «к главному». Куда бы ни попадала Ирина Львовна, она безошибочно угадывала «главного» — прочие людишки просто не вписывались в зону ее восприятия. Если ей что-то бывало нужно — а ей, собственно, всегда что-то бывало нужно, — то просьбу Ирины Львовны спускал «главный» своим подчиненным уже в виде приказа, и тогда Ирина Львовна со снисходительной и приторной

улыбкой пускалась в объяснения и уточнения, что и как нужно для нее сделать.

Самое странное, что манера эта действовала на людей безотказно, и они, не задаваясь вопросом, с какой стати Ирина распоряжается да по какому праву, торопливо бросались ей услужить. Она распоряжалась с такой естественностью, что с момента ее возникновения на пороге всем начинало казаться, что так надо и так давно было с кем-то условлено, и вот теперь пора выполнять старый договор...

Надо сказать, что уже в школе толстенная Ира отличалась важностью и степенностью, что создавало обманчивое впечатление надежности. Но окончательные очертания ее стиль принял в пору ее работы администратором в одном модном московском театре: никогда не иссякавшая толпа униженных просителей пропуска или билетика бесповоротно укрепила ее в сознании собственного величия и превосходства. Однако кажущееся всемогущество администратора было на деле весьма ограниченным: да, перед ним немало народу приседало, но и немало народу им распоряжалось и помыкало, насмешливо поглядывая сверху вниз на то, как маленький администратор крутится, устраивая свои мелкие делишки. Соответственно, и солидность Ирины Львовны была ограниченной, что ощущалось ею весьма болезненно.

Теперь же, когда Анатолий открыл свое дело и быстро пошел в гору, Ирина быстренько подсуетилась и тоже организовала фирму, которая должна была заниматься прокатом спектаклей и эстрадно-цирковых программ. Наконец-то ей представилась возможность, давно и заманчиво улыбавшаяся в самых задушевных мечтах: безраздельно руководить.

Бедный театральный люд, брошенный партией и правительством на самофинансирование, охотно

кинулся в ее щедро разрекламированные на мужнины деньги объятия, ища прокорма и поддержки своим художественным идеям. Помогли и старые контакты Ирины Львовны, знание театрального мира — и фирма ни шатко ни валко начала функционировать. Руководителем Ирина была из рук вон плохим, с людьми контактировать не умела, ее презрение к неимущим и к «неглавным» отталкивало многих творческих людей и, что существенно, мешало ей увидеть в каком-нибудь зарождающемся подвальном театрике будущих гениев и связанную с ними будущую прибыль; но Анатолий держал руку на пульсе и вовремя удерживал супругу от ошибок или исправлял уже допущенные. Несколько успешных операций по трансформации чужих талантов в ее личный капитал создали Ирине Львовне репутацию. Правда, репутацию довольно своеобразную — ее не любили, но верили в то, что она может вытянуть какой-то коллектив, выгодно продав его. К тому же театральное племя — народ по большей части зависимый, в силу чего покладистый... В общем, дела пошли.

Ирина прекрасно отдавала себе отчет в том, что без Анатолия ее фирма развалится, но вполне удачно скрывала это от всех, а главное, от него самого — чтобы не вздумал задаваться, чтобы не осознал ее реальную зависимость от мужа. Все Ириной было устроено давно и прочно, заведено раз и навсегда: Анатолий, как и все остальные, безмолвно подчинялся ее манере всеми распоряжаться. Это на посторонних он производил впечатление независимого, властного и строгого руководителя, умного и удачливого бизнесмена, крепкого и смелого мужика и прочая, прочая... А Ирине он был послушным и исполнительным мужем. Под каблуком он у нее был, вот так-то.

Разумеется, Ирина Львовна своим супругом — таким во всех отношениях удачным супругом — дорожила и

потому, несмотря на занятость, бдительно охраняла его от любых поползновений разных секретарш и стажерок.

А вот Веру проворонила...

Домовой

В темной прихожей Галю встретила тишина. Подозрительная, тягостная тишина, не наполненная звуками торопливых шагов Стасика, его приветственным голосом, его руками и губами, дружно встречавшими ее у порога. Она забеспокоилась, аккуратно прикрывая за собой дверь, — пока еще смутно забеспокоилась, пока еще неопределенно...

Но определилось все очень быстро: густой, тяжелый воздух квартиры был насыщен алкогольными парами.

Не сняв шубки, Галя ринулась в комнату.

— Господи, — всплеснула она руками. — Да ты никак пьян? — Она потормошила Стасика, валявшегося на диване в ботинках.

— Н-не кантовать! — Губы его расползались, как улитки. — Я не пьян! У меня голова болит! — с трудом выговорил Стасик.

— Ну да, ну да... — Галя распрямилась и отодвинулась от Стасика на шаг, пристально разглядывая его. — Конечно, ты не пьян, ты просто напился как скотина!

Галя смотрела на Стасика в раздумье. Последнее время ее стала иногда посещать мысль, что пора с этими отношениями завязывать. Конечно, Стаська — лапочка, нежный, ласковый любовник, Гале с ним хорошо... Да и пропадет этот «тюня» без нее... Хоть он и талантлив, да голова у него дурная, мужик он ленивый и слабовольный и, строго говоря, именно Гале обязан успехами: это она ему методично проедала плешь, чтобы за ум взялся, а не тратил время на нытье да жалобы в пространство на несовершенство мира...

Послушный Галиной воле, Стасик наконец напрягся, сорганизовался, изучил компьютер, создал фирму...

Галя бдила, Галя направляла его твердой рукой, Галя не позволяла ему сорваться в лень да хныканье, и результаты не замедлили себя проявить: Стасик расцвел вместе со своей фирмой, у него даже изменилось что-то во внешности, плечи развернулись, а на них и голова приосанилась в горделивой посадке...

И вдруг — нате вам, принялся пить. Пока еще не очень, пока еще редко, но зато как! В дымину, в дупель, вусмерть! Не помнит, ни где, ни когда, ни с кем! Да еще и врет, что ничего, кроме своего обычного пива, не употреблял. Только ведь от пива не приходят в такое скотское состояние! Что ж это такое, спрашивается? И зачем, спрашивается, ей такой любовник? Алкоголик — человек не пригодный ни к любви, ни к работе...

— Я, Галка, чем-то отравился, — лепетал Стасик.

— Ага. Алкоголем. Так и называется: алкогольное отравление!

— Они мне какой-то денатурат подлили...

— Они — это кто? И подлили — куда?

Галя желала услышать объяснения, протокол с места происшествия. А заодно убедиться, что за словом «они» не скрываются особи женского пола.

— У-у-у, как голова раскалывается, — простонал Стасик. — Прямо сейчас лопнет. Дай воды...

— Кто — они? — сурово переспросила Галя.

— Галка, зверюга, — жалобно хныкнул Стасик, — принеси воды, будь человеком...

Галя сходила на кухню за водой, нашла в ящике с лекарствами аспирин и, подав стакан и таблетку Стасику, холодно наблюдала, как он пьет. Если так и дальше пойдет, то придется пополнить его домашнюю аптечку хитроумным лекарством «Алка-Зельтцер» — Галя была фармацевтом и заведовала, помимо Стасиковой аптечки, большой аптекой в центре Москвы.

— Так кто это — они, и подлили они — куда? — повторила она, едва Стасик вернул ей стакан.

— Я в пивной был... Там мужики подсели, водку в пиво доливали, ну и мне предложили...

— А ты, как всегда, не смог отказаться!

— Ну, неудобно, ты не понимаешь — у мужчин так не принято...

— Зато потом подышать от отравления принято! Такое мужское братство: вместе сдохнуть! — злилась Галя.

— Ну, я не знаю, как им, у них, может, организмы привычные...

— Да уж, они, наверное, сильно веселились, глядя, как тебя развозит!

— Не знаю... Я почти сразу вырубился...

— А как же ты до дома добрался? Ты когда пришел-то?

— Утром... Мне так плохо было, тошнило... Я лег и снова отключился... Вот только сейчас проснулся... Голова как болит, знала б ты! В жизни так не болела! Разламывается прямо!

— Погоди, ты что же это — всю ночь пил? Что значит «утром»? А где ты ночь провел?

— Не помню... Вырубился, говорю тебе... Проснулся под утро на лавочке на Пушкинской площади. Милиционер за плечо тряс, разбудил, документы попросил... Ну я и поехал домой: метро уже открылось...

— Да как же ты на Тверской оказался? — недоверчиво спросила Галя. Врет? Был с женщиной? Или вправду?.. — Твоя пивнушка ведь где-то здесь недалеко!

— Не знаю, говорю тебе! Наверное, спьяну на метро сел, потом вышел и на лавочке уснул...

— Господи, зимой, в январе, на лавочке! Не замерз?

— Нет вроде... — виновато потупился Стасик.

— Ну да, изнутри был подогретый... Ничего не скажешь, хорош... — Галя была крайне раздражена. — Напился в зюю! На работе, стало быть, сегодня не был?

А фирма, Стасик, требует ежедневного присутствия! Как цветочек ежедневного полива. Иначе она засыхает! Если ты на работу не будешь являться, твои сотрудники тоже разбегутся! Неужто ты не понимаешь этого? Ну какого, спрашивается, черта ты поперся в пивнушку?

— Мне не по себе было... Тебя со мной по вечерам нет, а меня угнетает пустая квартира... Мне хочется к людям! Дай еще воды, а?

— «Не по себе»! — вещала Галя, возвращаясь со стаканом. — Ты прям как слабонервная девица! Квартира его, видите ли, угнетает пустая... — Галя брезгливо посмотрела на Стасика: совсем распустился, ничего не скажешь! Это даже не тюня, это какой-то недотюня получается... — Не по себе ему! Ну, женись тогда! Или собаку заведи! — с издевкой посоветовала она.

— Ты зря на меня нападаешь!.. — нашел в себе силы обидеться Стасик. — Вчера такое было!.. Я хотел тебе позвонить, но ты же мне по вечерам не велела... Вот я и пошел в пивную!

— И что же вчера было? — недоверчиво переспросила Галя: она не допускала, что у Стасика могут оказаться веские оправдания.

— Я, Галя, сошел с ума. Окончательно и бесповоротно. И вчера в этом убедился.

— То есть?

— Ты не поверишь... Прихожу я с работы домой... А тут... Ты только не смейся... Тут мебель не так стоит!

— Что значит «не так стоит»?

— То и значит! — огрызнулся Стасик. — Телевизор с тумбочкой — на месте стола, а стол — на месте телевизора! И стулья были на столе!

— Но ведь все на местах! — возразила Галя.

— Так я же сразу и переставил обратно!

— Ты уверен?..

— В чем? В том, что она не так стояла, или в том, что я ее переставил?!

— Погоди-погоди... — Галя направилась к телевизору, осмотрела тумбочку, даже пол зачем-то потрогала. — Стулья ставят на стол, когда уборку делают! Ты, может, в кои веки навести порядок решил?

Надобно заметить, что Галя, по своему обычаю, сильно преувеличивала: Стасик был мужчиной опрятным, грязи у него никогда не водилось, так разве, легкий бардак.

— Смотри сюда, пол под тумбочкой чистый... Ты, когда ее отодвинул и поставил на это место стол, увидел, что там грязно... И решил помыть, правда? Ну подумай, Стас! Ты, может, выпил немножко, — Галя, будучи сама в полной растерянности, на сей раз выбрала выражение помягче, — и тебе вдруг захотелось мебель переставить... Так бывает, знаешь: иногда хочется все поменять местами в квартире... И потом, когда начал переставлять, увидел, что пол грязный, и решил его помыть. И стулья на стол поставил... А? — Галя с надеждой вглядывалась в глаза Стасика. — Смотри, пол-то чистый!

— Галка, это я *потом* пошел в пивную, а домой пришел трезвый, как стеклышко!

— Но кто же мог это сделать?!

— То-то и оно, Галка, что никто.

— Нечистая сила завелась, да? — усмехнулась недоверчиво Галя.

— Может, и нечистая сила... — отмахнулся Стасик.

— Хм... А ничего не пропало?

— Нет. И замки в целости.

— Ты хорошо проверил? Все вещи на местах? — Стасик кивнул. — И деньги? — Еще один кивок. — Все равно надо было милицию вызвать! Они могли бы сделать экспертизу замка!

— Шутишь? И что бы я сказал? Вот, понимаете ли, кто-то залез в мою квартиру, только чтобы мебель переставить? Да еще у меня пол помыть? Милицию! Скорее психовозку...

— Погоди... Что же получается? Что ты сам все передвинул, а потом забыл?

— Но кто-то же должен был это сделать! Или вправду у меня нечистая сила завелась?.. Скажи, ты веришь во всех этих, как их, домовых, барабашек?

— Стасик, ты, наверное, все-таки нетрезвый был... А?

— Нет!

Галя потупила глаза. Она решительно не знала, ни что сказать, ни что думать об этом.

— Вот видишь, — горько продолжил Стасик, — даже ты молчишь... Помоги мне, я сяду... Осторожно, у меня голова раскалывается....

— Сейчас аспирин подействует, полегчает, — смягчилась его наставительница на путь истинный, помогая «тюне» принять вертикальное положение.

Стасик в ответ только вздохнул, аккуратно пристраивая голову к спинке дивана...

Неожиданный звонок в дверь заставил вздрогнуть обоих.

— Кто это? — спросила Галя почему-то шепотом.

— Домовой, — усмехнулся Стасик. — Пришел пол домыть... Пойду открою. Ты не выходи на всякий случай.

Стасик, сгорбившись под тяжестью головной боли и загадочной перестановки мебели, направился, шаркая тапочками, в коридор.

За дверью оказалась девушка. Невысокая, румяные щечки, коричневая парка, красная шапочка с помпоном.

— «Ваш домовой»! — радостно отсалютовала она, увидев Стасика на пороге.

Если он не рухнул, так это только благодаря Гале, которая, услышав сии странные речи, вылетела в